

Цикл про Аню Ширли состоит из:

Аня из Зеленых Мезонинов (книга #1)

Аня из Авонлеи (книга #2)

Аня с острова Принца Эдуарда (книга #3)

Аня из Шумящих Тополей (книга #4)

Анин Дом Мечты (книга #5)

Аня из Инглсайда (книга #6)

Аня и Долина Радуг (книга #7)

Рилла из Инглсайда (книга #8)

Книги, относящиеся к циклу романов про Аню:

Авонлейские хроники (книга #9)

Новые Авонлейские хроники (книга #10)

Люси Мод
Монтгомери

—

Аня из Авонлеи

Москва

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Lucy Maud Montgomery
ANNE OF AVONLEA

Перевод с английского *Марины Батищевой*

Художественное оформление серии *Степана Костецкого*

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Аня из Авонлеи / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского М. Батищевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Яркие страницы. Коллекционные издания).

ISBN 978-5-04-188718-6

У Ани начинается новая глава в жизни, ей исполнилось 16 лет, она полна надежд и планов на будущее; другого и не стоило ожидать от нашей мечтательной знакомой. Аня собирается работать учительницей, организует общество по благоустройству деревни, в их доме появляются маленькие близнецы, правда и печальные события будут происходить.

Спустя несколько лет после прибытия на остров, она обрела много друзей, заслужила любовь и уважение жителей Авонлеи, но противостояния застарелым устоям общества, традиционному представлению, как должна вести себя молодая женщина, все равно не избежать.

Классическая история взросления со взлётами и падениями, печалью и радостями.

Вторая книга цикла про Аню Ширли, классическая история взросления со взлётами и падениями, печалью и радостями.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Батищева М., перевод на русский язык, 2025

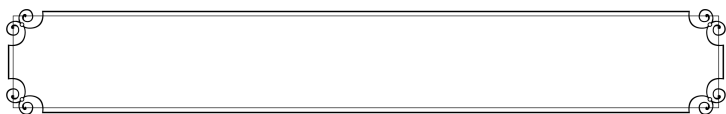
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-188718-6

*Моей бывшей учительнице
Кейти Гордон Смит
в благодарную память
о ее сочувствии и поддержке*

Суровый долг ее зовет вслед за собою,
И где она пройдет, там зацветут цветы.
Жестоким линиям, начертанным судьбою,
Она легко придаст изгибы красоты.

Уитьер

ГЛАВА I

РАЗГНЕВАННЫЙ СОСЕД

Погожим августовским днем на широком каменном пороге одного из домиков Авонлеи сидела высокая, стройная девушка шестнадцати с половиной лет с серьезными серыми глазами и волнистыми волосами, которые ее друзья называли каштановыми. Аня — а была это именно она — расположилась здесь с твердым намерением сделать грамматический разбор нескольких строк из Вергилия¹. Но августовский день, когда голубая дымка окутывает покрытые золотистой пшеницей холмы и легкий ветерок таинственно шепчет в тополях, а чуть волнуемый им пурпур маков вспыхивает ярким пламенем в дальнем уголке вишневого сада на темном фоне молодых елей, — такой августовский день больше подходит для грез, чем для занятых мертвыми языками. И вскоре Вергилий незаметно соскользнул на землю, Аня же, опустив подбородок на сцепленные руки и устремив глаза на чудесные пушистые облака, громоздившиеся огромной белой горой над самым домом мистера Харрисона, перенеслась в восхитительный далекий мир, где некая школьная учительница творила чудеса, вдохновляя юные умы и сердца возвышенными и благородными идеалами

¹ Вергилий (70–19 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт, автор «Энеиды».

и стоя у истоков формирования личностей будущих государственных мужей.

Хотя, разумеется, если трезво взглянуть на суровую действительность, — что, необходимо признать, Аня делала редко, если только ее к этому не вынуждали, — представлялось сомнительным, чтобы в авонлейской школе нашлось много учеников с задатками будущих знаменитостей, но ведь трудно предвидеть, что именно может произойти под благотворным влиянием хорошей учительницы. У Ани были весьма радужные представления о том, чего может добиться учительница, если только ей удастся найти правильный подход к своим ученикам.

В эту минуту перед ее внутренним взором разворачивалась восхитительная картина. Она видела себя сорок лет спустя в обществе некой знаменитой личности — чем именно была знаменита эта личность, Аня предпочла оставить в тумане, но надеялась, что это будет никак не меньше чем ректор университета или премьер-министр Канады. Этот всем известный и всеми уважаемый человек склонялся над морщинистой рукой своей бывшей учительницы и уверял ее, что это именно она впервые пробудила в его душе высокие стремления и что всем своим успехом в жизни он обязан тем качествам, которые она некогда привила ему в авонлейской школе...

Эти приятные видения рассеялись в результате весьма неприятного постороннего вмешательства. Сначала на тропинке показалась бегущая трусцой вполне безобидная на вид джерсейская телка, а спустя несколько секунд появился мистер Харрисон, если «появился» не будет слишком мягким определением его способа вторжения во двор.

Он перепрыгнул через изгородь, не тратя времени на возню с калиткой, и, разгневанный, предстал перед

изумленной Аней, которая, вскочив на ноги, смотрела на него в некотором замешательстве. Мистер Харрисон лишь недавно стал их соседом справа, и Аня никогда не встречалась с ним прежде, хотя и видела его издали раз или два.

В начале апреля, когда Аня еще была в учительской семинарии, мистер Роберт Белл, чьи земли примыкали к землям Касбертов на западе, продал свою ферму и переехал в Шарлоттаун. О новом владельце было известно только то, что зовут его мистер Харрисон и что родом он из Нью-Брансуика. Но, не успев прожить и месяца в Авонлее, он приобрел репутацию чудаковатого человека, или «типа со странностями», как выражалась миссис Рейчел Линд. Миссис Рейчел всегда была очень откровенной особой, что, конечно же, помнят те из вас, кто уже успел с ней познакомиться. Действительно, мистер Харрисон был не похож на других людей, а это, как известно каждому, и есть главная отличительная черта «типов со странностями».

Так, прежде всего, он стал вести свое домашнее хозяйство сам и публично заявил, что не желает присутствия каких-либо «безмозглых баб» в своей «берлоге». Женское население Авонлеи мстило ему за это леденящими кровь рассказами о том, как он занимается хозяйством и готовит еду. Источником этих сведений стал маленький Джон-Генри Картер из Уайт-Сендса, которого мистер Харрисон нанял помогать на ферме.

Начать с того, что в доме мистера Харрисона не было никаких установленных часов для еды. Хозяин, проголодавшись, перекусывал на ходу, и, если Джону-Генри случалось оказаться в этот момент поблизости, он получал свою порцию, иначе ему приходилось ждать, когда у мистера Харрисона будет очередной приступ голода. Джон-Генри со скорбным видом утверждал, что умер бы от недоедания, если бы не то обстоятель-

ство, что каждое воскресенье он проводил дома и там мог подкрепить свои силы, а в понедельник утром мать давала ему с собой корзинку с «жратвой». Что же касается мытья посуды, то мистер Харрисон даже не предпринимал попыток заняться этим делом, пока не наступало дождливое воскресенье. Тогда он брался за работу с размахом: мыл сразу всю посуду в бочке с дождевой водой и потом оставлял обсыхать на воздухе.

К тому же мистер Харрисон был скуповат. Когда ему предложили внести деньги на жалованье преподобному мистеру Аллану, он ответил, что не привык покупать kota в мешке и предпочитает подождать и посмотреть, на сколько долларов добра принесут ему молитвы мистера Аллана. А когда миссис Линд пришла, чтобы попросить его сделать пожертвование на миссионерскую деятельность — она также желала, пользуясь случаем, обозреть внутренность дома, — мистер Харрисон язвительно сказал ей, что, насколько он может судить, среди старых авонлейских сплетниц куда больше язычниц, чем в любом другом месте на свете, и что, если бы она взялась обратить их на путь истинный, он охотно пожертвовал бы на это деньги. Миссис Рейчел, возмущенная, удалилась и потом объясняла всем и каждому: какое счастье, что бедная миссис Белл уже покоится в могиле, иначе у нее разбилось бы сердце при виде того, в каком состоянии находится теперь ее дом, которым она так привыкла гордиться.

— Уж она-то мыла пол в кухне строго через день, а посмотрели бы вы на этот пол сейчас! — с негодованием говорила миссис Линд Марилле Касберт. — Мне пришлось приподнять юбку, когда я ступила на порог этого дома.

И в довершение зла мистер Харрисон держал попугая по кличке Джинджер. Никогда прежде никто в Авонлее не держал попугаев, и вследствие этого по-

добное поведение едва ли могло рассматриваться как приличное. И к тому же что это был за попугай! Если верить словам Джона-Генри, не было на свете второй такой нечестивой птицы. Ругалась она ужасно! Миссис Картер уже давно забрала бы своего сыночка из дома мистера Харрисона, но ведь не так-то просто найти для мальчика другую работу. Однажды, когда бедный Джон-Генри по неосторожности наклонился слишком близко от клетки Джинджера, последний так сильно ущипнул его сзади за шею, что оторвал кусочек кожи. Миссис Картер всем показывала этот шрам, когда несчастный ребенок возвращался домой на воскресенье.

Все это промелькнуло в голове у Ани, пока мистер Харрисон стоял перед ней, не в силах произнести ни слова из-за душившего его гнева. Даже находясь в самом дружеском расположении духа, мистер Харрисон не мог претендовать на звание «красавец мужчина»: он был маленький, толстый и лысый. А теперь, когда его круглое лицо побагровело от ярости, а пронзительные голубые глаза почти выскакивали из орбит, Ане показалось, что она в жизни не видела человека безобразнее.

Неожиданно мистер Харрисон обрел голос.

— Я не потерплю этого, — закричал он, захлебываясь от возбуждения, — ни одного дня больше! Слышите, мисс? Разрази меня гром, это уже третий раз, мисс... третий раз! Тут и святой потеряет терпение, мисс! Я предупреждал вашу тетку в прошлый раз, чтобы такое больше не повторялось, а она опять это допустила... опять! О чем она, собственно, думает, вот что я желаю знать! Вот зачем я пришел, мисс!

— Может быть, вы объясните мне, что случилось? — сказала Аня с подчеркнутым достоинством. В последнее время она усердно осваивала эту манеру, чтобы иметь ее в рабочем состоянии к началу учебного года.

Но на пылающего гневом мистера Харрисона ее тон, по-видимому, не произвел надлежащего впечатления.

— Что случилось? А случилось, разрази меня гром, самое скверное!.. Случилось то, что я только что снова застал эту джерсейскую телку в моих овсах! Третий раз, заметь! Я застал ее там в прошлый вторник, и я застал ее там вчера. И я приходил сюда и предупреждал твою тетку, чтобы больше этого не было! А она... она снова допустила до этого! Где твоя тетка? Я просто хочу взглянуть ей в глаза и высказать ей мое мнение... мнение Джеймса Харрисона!

— Если вы имеете в виду мисс Мариллу Касберт, то она мне не тетя. В настоящее время она находится в Графтоне, куда уехала к своей дальней родственнице, которая тяжело больна, — сказала Аня с достоинством. — Я очень сожалею, что моя телка зашла в ваши овсы... Эта телка моя, а не мисс Касберт. Мэтью купил ее у мистера Белла три года назад, когда она еще была теленком, и подарил мне.

— Что проку сожалеть! Сожалением делу не поможешь! Лучше пойди да посмотри, что учинила эта скотина в моих овсах — вытоптала все вдоль и поперек!

— Я очень сожалею, — повторила Аня твердо, — но, возможно, если бы вы вовремя чинили вашу изгородь, Долли не смогла бы зайти на ваше поле. Это именно ваша часть изгороди отделяет ваши овсы от нашего пастбища, и на днях я заметила, что она нуждается в ремонте.

— Моя изгородь в полном порядке! — оборвал ее мистер Харрисон, в еще большем гневе из-за переноса военных действий на его собственную территорию. — Но даже тюремные стены не удержат эту... не корову, а воплощение дьявола!.. А тебе, рыжая свиристелка, могу одно сказать: если корова твоя, как ты говоришь, так лучше бы ты пасла ее, чем рассиживать тут, читая

романы в желтых обложках! — заявил он, устремив испепеляющий взгляд на невинного желтовато-коричневого Вергилия, лежавшего у Аниных ног.

Аня вспыхнула — волосы всегда были ее уязвимым местом.

— Я предпочитаю иметь рыжие волосы, чем не иметь их вообще... кроме пары прядок над ушами.

Удар попал в цель, ибо мистер Харрисон болезненно воспринимал любые намеки на его лысину. Гнев снова начал душить его, и он мог только безмолвно впиваться взором в Аню, которая, возвратив себе душевное равновесие, поспешила воспользоваться своим преимуществом.

— Я могу быть снисходительна к вам, мистер Харрисон, так как у меня есть воображение и мне нетрудно представить, как неприятно застать в своих овсах чужую корову. Я не питаю никаких враждебных чувств к вам, несмотря на все, что вы сказали. Я обещаю вам, что Долли никогда больше не зайдет в ваши овсы. Я даю вам честное слово!

— Ладно, смотри, чтобы этого больше не было, — буркнул в ответ мистер Харрисон, несколько сбавив тон. Но прочь он затопал все еще в гневе, и некоторое время издали доносилось его сердитое бормотание.

Огорченная и обеспокоенная, Аня проследовала через двор и заперла своевольную Долли в загоне, где обычно доили коров.

«Я думаю, она не сможет выбраться отсюда... разве только если свалит забор, — размышляла Аня. — Сейчас она ведет себя очень спокойно. Наверное, обьяелась этим овсом до отвращения... Жаль, что я не продала ее мистеру Ширеру на прошлой неделе, когда он предлагал мне за нее двадцать долларов. Но я думала, что лучше подождать аукциона и продать весь скот сразу. Теперь я верю, что мистер Харрисон действительно

"тип со странностями". Уж в нем-то нет и намека на родство души».

Аня никогда не теряла бдительности в ожидании встреч с родственными душами.

В это время во двор въехал кабриолет — вернулась Марилла, и Аня поспешила в дом, чтобы накрыть на стол. За чаем они обсудили случившееся.

— Скорее бы распродать скот, — сказала Марилла. — Слишком большая ответственность — иметь столько скота, когда некому за ним приглядеть. А на Мартина совсем нельзя положиться. Он должен был вернуться с похорон своей тетки еще вчера вечером, но его нет до сих пор! А ведь обещал, что вернется вовремя, если я отпущу его на целый день. Прямо не знаю, сколько у него этих теток! Это уже четвертая умерла за тот год, что он у нас работает. Я вздохну с облегчением, когда урожай будет собран и нашей фермой займется мистер Барри. Нам придется держать Долли в загоне, пока не вернется Мартин, а тогда отправим ее на дальнее пастбище. Нужно будет починить там изгородь. Да, мир сей полон забот, как справедливо говорит Рейчел... Вот бедная Мэри Кит при смерти, и, право, не знаю, что станет с ее двумя детьми. У нее, правда, есть брат в Британской Колумбии, и она послала ему письмо, но до сих пор нет ответа.

— А какие дети? Сколько им лет?

— Седьмой год пошел... близнецы.

— О, меня очень интересуют близнецы, с тех пор как у миссис Хаммонд было три пары! — оживленно воскликнула Аня. — Они хорошенькие?

— Ах, Боже мой, трудно сказать... Они были такие грязные. Дэви был во дворе, делал куличики из грязи, а Дора вышла позвать его к матери. И что ты думаешь? Он толкнул ее в самую грязь, а когда она заревела, сам залез туда же и начал валяться, чтобы доказать ей, что

плакать не о чем. Мэри говорит, что Дора очень послушная девочка, но Дэви ужасный озорник. Впрочем, воспитывать-то его было некому. Отца он лишился еще в младенчестве, а Мэри почти все время болела.

— Мне очень жаль детей, которых некому воспитывать, — сказала Аня значительно. — Вы знаете, меня тоже никто не воспитывал, пока вы за меня не взялись. Надеюсь, их дядя займется ими... Миссис Кит придется вам близкой родственницей?

— Мэри? Она мне совсем не родственница. А вот ее муж... он был нашим троюродным братом... Взгляни-ка, миссис Линд идет через двор. Я думаю, она хочет узнать, что с Мэри.

— Не говорите ей о мистере Харрисоне и Долли, — взмолилась Аня.

Марилла пообещала; но обещание оказалось излишним, потому что не успела миссис Линд усесться поудобнее, как объявила:

— Я сегодня возвращалась из Кармоди и видела, как мистер Харрисон выгонял вашу Долли из своих овсов. Похоже, он порядком взбесился. Большой он тут шум поднял?

Аня и Марилла обменялись чуть заметными улыбками. Поистине, мало что в Авонлее могло ускользнуть от всевидящего ока миссис Линд. Не далее как утром того самого дня Аня сказала: «Если войдешь в свою собственную комнату в полночь, закроешь дверь на ключ, опустишь шторы и чихнешь, на следующий день миссис Линд спросит, как твой насморк!»

— Да, думаю, он тут пошумел, — кивнула Марилла. — Я ездила в Графтон, так что весь свой гнев он излил на Аню.

— Мне он показался очень неприятным человеком, — сказала Аня, обиженно вскинув свою рыжую голову.